

The image shows the interior of a train carriage. The seats are brown and arranged in rows on both sides of a central aisle. The floor is blue. There are metal poles and handrails throughout the carriage. The lighting is bright and even. The text "Выход есть" is overlaid on the top part of the image.

Выход есть

Ольга Небелицкая

Ольга Небелицкая

ВЫХОД ЕСТЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70563508

SelfPub; 2024

Аннотация

Марк в детстве попал в аварию и теперь видит кошмары. Что или кто может ему помочь?

Ольга Небелицкая

Выход есть

Людам свойственно забывать непостижимое.

Но Марик до конца жизни помнил то, что с ним случилось.

Марику часто снились кошмары. Всё детство, пока не приехала бабка. Бабушка. Ну как, бабушка, мадемуазель Дюбуа.

Но пока бабушка не приехала, Марик чуть ли не каждую ночь просыпался от собственного крика. В лучшем случае. В худшем – оттого, что простыня под ним становилась мокрой, тогда он плакал от стыда и крался на цыпочках в ванную, чтобы застирать и хоть немного просушить улику.

Марик случайно услышал, как тётя-ихиатр объясняла родителям, что страшные сны снятся ему после ихотравмы... кажется, так? Что такое ихотравма, Марик не понял, но это как-то было связано со случаем, когда они с мамой застряли в поезде, когда было крушение. Когда все долго сидели в почти полной темноте – Марик помнил, как мигали и гасли одна за другой лампочки – а двери не открывались, и за ними никто не шёл, и многие плакали. Он сам не плакал, нет, он держал маму за руку и не отпускал, даже когда свет совсем погас и сильно грохотало, тоже не отпускал. А потом

пришли спасатели и вывели их по боковым тоннелям. И всё снова стало хорошо, и Марик даже после того в метро не боялся ездить.

Только кричал во сне. Почти каждую ночь.

Тётя-ихиатр говорила спокойно, и мама кивала, и ихиатр шелестела бумажками и обещала, что таблетки помогут, и что Марик станет спать, и что всё обязательно пройдёт.

Не прошло.

Каждую ночь Марику снилось, что выхода нет. Поезд останавливался посреди тоннеля. Иногда Марик был в нём один, а иногда вместе с ним в вагоне находились какие-то люди. Лампы мигали и гасли – от дальних к ближним, а когда в вагоне оставалась одна, болезненно-серая, Марик видел, что двери зарастали – иногда просто исчезали, иногда покрывались плотной завесой плюща (откуда в метро плющ?!). Иногда Марик кидался к клацающей створками двери в надежде, что успеет выскочить, но между створками обнаруживалась кирпичная кладка. Потом гас последний свет.

И Марик кричал.

Когда мама сказала, что приедет бабушка, Марик удивился. Никто за всю его жизнь не говорил ему, что у него есть какая-то бабушка. Мама поджала губы и прошептала, что и сама не думала, что мадемуазель Дюбуа до них снизойдёт. Марик не понял, что значит «снизойдёт». Наверное, мама не думала, что мадемуазель... как её там, Дюбуа? – сможет до-

браться до них на самолёте из своего Брюсселя. Марик не знал, где находится Брюссель, но брюссельскую капусту ему доводилось пробовать, и неведомая бабушка заранее вызывала у него отвращение.

Из книжек и мультиков Марик знал о том, какими должны быть бабушки. Он представлял себе сухонькую старушку с кичкой на затылке. И непременно с огромной клетчатой сумкой-тележкой. Наверняка сумка будет набита брюссельской капустой. У Марика крутило живот и сводило скулы.

– Спи. – Мама поправила одеяло, – утром проснёшься, а бабушка уже здесь. Она прилетает поздно. – Мама поцеловала его в лоб и вышла. Марик закрыл глаза.

...когда Марик проснулся посреди ночи, задыхаясь от ужаса, и сел в кровати, он успел прикрыть рот руками. Кричал ли он? Успел ли он разбудить страшную бабушку? Что будет, если сейчас на его крики прибегут не только мама с папой, но и незнакомая старушка с огромной клетчатой сумкой? Заставит ли она его съесть всю капусту сразу? Ведь он уже почистил зубы на ночь! – Марик фыркнул, представив, как поедает среди ночи брюссельскую капусту прямо в кровати.

Кто-то тихо рассмеялся вместе с ним.

Марик вздрогнул и посмотрел в сторону кресла, в котором обычно сидела мама по вечерам. Он встретился взглядом с... язык не поворачивался назвать её старухой. Марик вспомнил слово «дама» из сказок про рыцарей: раньше оно

казалось ему напыщенным, но сейчас подходило как нельзя лучше.

Дама в кресле была седой, волосы падали на плечи тугими локонами. Марику показалось, что они слегка мерцают в свете ночника. Из-под чёрных – не седых! – густых бровей на Марика смотрели внимательные и весёлые глаза. Марик раскрыл рот. Дама подмигнула ему. В руках она держала – Марик не поверил своим глазам! – клетчатую сумку. Но какую! Это был изящный клатч (Марик знал слово, потому что недавно следил за сборами мамы и папы в театр) в чёрно-белую клетку, металлические застёжки серебристо мерцали, и так же серебристо мерцали ногти на изящных руках ночной гостьи. В комнате запахло какао. Какао Марик любил. Пахло чем-то ещё, незнакомым, и Марик с шумом втянул носом воздух.

Дама открыла сумочку. Запах усилился. Она достала что-то маленькое и протянула Марику.

– Съешь. Шоколад прогоняет страхи. Даже ночные.

Марик взял из протянутой ладони кусочек шоколада. Тот был совсем крошечным, с полпальца. И непривычно тёмным. Марику доводилось есть шоколад, но мама покупала обычно светло-коричневые плитки, которые Марику казались такими сладкими, что он не понимал, в чём прелесть собственно вкуса шоколада. Этот кусочек по цвету был почти чёрным, и Марик поспешил положить его себе в рот.

...вкус чистой радости наполнил его – от кончика языка

до большого пальца левой ноги, Марик даже поджал ступню от невыразимого наслаждения. Что же это за аромат, такой волшебный и незнакомый?

– Кардамон, – кивнула дама, – отвечая на незаданный вопрос. От страха. А это, – её тонкая кисть нырнула в сумочку и вытащила на сей раз что-то светлое, – для того, чтобы был выход.

Марик, ничего не понимая, уставился на кусок мела.

– Возьми, – и засыпай. Выход будет там, где ты захочешь выйти.

Марик почувствовал, как глаза у него слипаются, а голова сама клонится к подушке. Никакие таблетки, из тех, что прописывали ихиатры, никогда не давали такого эффекта. Ещё ни разу он не засыпал так легко и быстро.

...поезд затормозил со скрежещущим звуком. Марик почувствовал, как ноги стали ватными, а во рту появился неприятный металлический привкус. Пошатываясь, он встал со своего места и побежал к двери, которая у него на глазах превратилась в бетонную стену без единой щели. Марик кинулся в другую сторону, но и там уже не оставалось ни одной двери; вагон превращался в отрезанный от мира бетонный кокон, в котором быстро закончится воздух, может быть, до того как погаснет последняя лампа... Марик в отчаянии сжал кулаки и только тогда заметил зажатый в потной ладони кусочек мела. Мел. Выход. Что она такое сказала? И

кто – она? Марик не стал тратить время на то, чтобы рыться в памяти, он повернулся к ближайшей стене и нарисовал дверной проём. Он вёл мел по стене, не отрывая руки, пока линия не пролегла от пола и до пола, обрисовав дугу чуть выше Марикова роста.

И дверь открылась.

Это было просто отверстие в стене – никаких створок, – откуда потянуло свежим воздухом. И чем-то ещё. Какао. И кардамоном. Марик вспомнил запах и шагнул в темноту, не колеблясь более ни секунды.

Марик позабыл, каково видеть сны.

Сны – не кошмары. Когда он был маленьким, ещё до травмы, ему, бывало, снилось всякое – и замки, и драконы, и полёты в воздухе, и он любил свои сны. Как давно это было!

Марик шёл по узким тоннелям, и они были совсем нестрашными. Честно говоря, они и вовсе не напоминали тоннели метро, которые ему доводилось видеть наяву. Где-то журчала вода, а где-то стены оплетали растения, но это был не хищный плющ из кошмаров, а нежные побеги с маленькими белыми цветами. Пахло шоколадом и пряностями, Марик вдыхал запах и старался дышать медленнее. Приглядевшись к одной из стен, он увидел, что она покрыта чешуйками. Чешуйки глянцево мерцали в полумраке. Марик прикоснулся к стене пальцем. Потом поднёс палец к лицу. Шоколад. Пахло шоколадом. Марик отколупал одну из чешуек и положил в рот. Во сне – можно. Удивительная горечь раз-

лилась по нёбу: это была не та горечь, какая бывает от противной микстуры, а новый для Марика вкус изысканного лакомства. Горечь уступила место чему-то солёному и даже... острому? Марик застыл, прикрыв глаза, стараясь распробовать все оттенки вкуса. Соль? Перец? Язык щипало, но Марик ни за что на свете не хотел, чтобы это заканчивалось.

Он погладил стену рукой и пошёл дальше. На свет.

И проснулся.

* * *

Очевидно, что Марикина жизнь основательно изменилась с этого дня. Засыпая, он клал на прикроватный столик кусочек мела – мадемуазель Дюбуа, которая оказалась его двоюродной тётёй, объяснила, что для этого годится любой мел. Да без мела засыпать тоже можно: достаточно того, что Марик смог продолжить себе выход единожды. Но Марику было спокойнее таскать в карманах кусочки мела даже наяву.

Кошмары закончились, вместе с ними раз и навсегда прекратились постыдные ночные постирушки и визиты к врачам, складка на мамином лбу разгладилась. В хрустальной конфетнице больше не переводились шоколадки, и прибегая из школы, Марик всякий раз гадал, какой вкус будет сегодня: морская соль? Розовые лепестки? Чили? Или, может быть, дроблёный миндаль? Мадемуазель Дюбуа, перед тем как уехать обратно в Брюссель, научила Марикиных родителей отличать хороший шоколад от поддельного и обещала на

Рождество собрать для них посылочку настоящих бельгийских лакомств.

* * *

Говорят, снаряд не бьёт дважды в одну и ту же воронку.

Марк тоже знал эту поговорку и уже много лет ездил в метро, не вспоминая о пережитом в детстве. Когда поезд вдруг затормозил с противным скрежещущим звуком, неоновые лампы нервно мигнули, издав издав – но ближе, чем того хотелось бы, – раздался страшный грохот. Вагон с силой трянуло так, что мало кто из людей удержался на ногах, Марк почувствовал во рту знакомый металлический привкус.

Динамик громкой связи ожил и зашипел:

– Крушение... ожидайте... ведутся работы... – потом шипение заглушило остальные звуки, динамик похрипел ещё некоторое время и сдался. Стало тихо. А потом в тишине заплакал ребёнок.

Девочку звали Лена, ей было всего семь лет, и она впервые – именно сегодня! – ехала в метро одна. Бабушка посадила её в поезд и рассказала, на какой станции выходить, а там Лену должна встретить учительница и отведёт в концертный зал: сегодня самый-самый важный экзамен. Лена одной рукой обнимала скрипичный футляр, а второй вцепилась в Марка. По её личику катились слёзы.

– А если спасатели нас не найдут? А если мы задохнёмся?

А если я опоздаю на экзамен? А если свет погаснет?

Словно в подтверждение Лениных слов одна из двух ламп нервно замигала и погасла. Половина вагона погрузилась в полумрак.

Марк опустил свободную руку в карман плаща, чтобы достать носовой платок, и пальцы его наткнулись на что-то твёрдое. Мел.

Марку стало смешно и щекотно. Он присел перед Леной на корточки и серьёзно спросил:

– Где, говоришь, твой концертный зал?

* * *

Можете себе представить заголовки газет и новостные телевизионные выпуски за тот день. Город, да что там город, весь мир только об этом и говорил ещё неделю. Потом всё понемногу забылось: людям свойственно забывать то, чему нет рационального объяснения. Лена (а вместе с ней десяток пассажиров из вагона) не смогли объяснить, каким образом они оказались на сцене концертного зала Дворца творчества юных, и почему они вышли (по словам очевидцев) из-за кулис, где не было никакого входа. Там и помещения толком не было: так, подсобка, где хранились швабры и вёдра. Они что-то твердили о тоннелях метро, а некоторые смущённо добавляли, что в тоннелях вкусно пахло, как будто они шли не по метрополитену, а по цехам кондитерской фабрики. Никто не смог объяснить, каким образом пассажиры из потерпевше-

го крушение состава оказались за несколько километров от места крушения, никто не смог объяснить, как именно они выбрались из покорёженного поезда, к которому спасатели смогли прорыть путь под завалом только много часов спустя.

Но спустя некоторое время всё забылось.

Людам свойственно забывать непостижимое.